

предметов, но отыскивает в нем единство, всеобщность и необходимость; она не удовлетворяется каким-нибудь частным законом или многими относительно-всеобщими законами, но старается привести их ко всеобщему, абсолютному единству. Бессознательна же эта вера потому, что она не имеет ясного сознания о единственной и главной цели своего стремления, об абсолютной истине.

Сообразно с сущностью своею обыкновенное сознание может находить абсолютную истину только в ее многообразном проявлении, и для этого оно должно бы было обнять все бесконечное разнообразие действительного мира; но оно бывает всегда односторонне и ограничено и обнимает только весьма малую часть этого разнообразия, часть, нуждающуюся в дополнении другими частями, а потому оно и не может обнять абсолютной истины. Чем же помочь этому злу и каким образом уничтожить ограниченность естественного сознания? В этом заключается главная задача эмпиризма как науки, и мы разберем его как можно подробнее, для того чтобы узнать, точно ли достигает он своей цели.

Эмпиризм как наука освобождает естественное сознание от его индивидуальной ограниченности, от его предрассудков и вырывает его из оков определенного пространства и определенного времени, обогащая опытность его опытами, сделанными на других пространствах и в другие времена; он по возможности расширяет духовную сферу обыкновенного сознания; но для того, чтобы достичь своей цели, он должен уничтожить всякую ограниченность, всякую односторонность, должен обнять все бесчисленные прошедшие, настоящие и будущие явления действительного мира. Может ли он это сделать? Нет и, следовательно, эмпиризм также не способен к познанию абсолютной истины; он сильно способствует к расширению кругозора обыкновенного сознания; он не ограничивается опытами одного народа или одного определенного времени и старается обогатиться опытами всех народов и всех времен; но и это стремление имеет свою границу и до тех пор, пока граница эта существует, познание абсолютной истины невозможно. Как же уничтожить ее? И есть ли средство для совершенного освобождения эмпиризма, опытного знания, от конечных условий пространства и времени? Решительно нет. Кроме этого, мы сказали выше, что одно из существенных различий между обыкновенным сознанием и эмпиризмом состоит в том, что обыкновенное сознание познает без всякой наукообразной последовательности; эмпиризм же старается облечь познания свои в наукообразную форму. В чем же состоит эта наукообразность? В совершенно внешнем и более или менее произвольном подразделении; для того чтоб убедиться в этом, стоит только просмотреть любой курс физики, химии или даже логики, потому что и логика в том виде, в каком она у нас обыкновенно преподается, принадлежит также к разряду чисто эмпирических наук; в физике, например, рассматриваются сперва «общие свойства тел и их различные состояния», потом «общие понятия о равновесии и движении», потом переходят к статике, к динамике, а потом говорят о твердых телах в особенности, о их фигуре, скважности, непроницаемости и пр., а потом о капельно-жидких телах, о воздухообразной жидкости и так далее; и не должно думать, чтоб все эти статьи имели между собою необходимую связь, чтоб последовательность их была условлена необходимым развитием самого познаваемого предмета, — одним словом, чтоб они составляли органическое, живое целое, проникнутое одной всеобщей мыслью. Нет, это не более как сброд частных сведений, не более как совершенно произвольная и внешняя классификация, способствующая только к *возможной* полноте и точности фактов и частных законов, проявляющихся в них. Но такое знание, такая наукообразность не могут удовлетворить человека: он стремится к полному разумению окружающей его действительности, стремится к уничтожению чуждой ему внешности, а единственное средство для достижения этой цели есть полное разумение; знание же многообразных фактов или хоть многообразных частных законов не есть еще истинное знание: истинное знание ищет всеобщего единства, пребывания единой всеобщей мысли в предстоящем ему многообразии, и, пока животворящая мысль эта не найдена, пока многообразие не проникнуто ею и не стало прозрачным для познающего духа, до тех пор еще истинное знание не осуществилось, и дух человека, познающий эмпиризм, как опытное знание, не останавливается на внешнем и непонятном для него многообразии, но стремится уничтожить бессмысленную кору, мешающую ему проникнуть в него: эмпиризм становится *теорией*.

Между чистыми эмпириками и теоретиками существует давнишний, для них еще и до сих пор не решенный спор: теоретики говорят, что эмпиризм, ограничиваясь только одними фактами, погружается в букву, не находит в ней духа и не удовлетворяет главной потребности знания, требующего мысли, а не сухих фактов; эмпирики же утверждают, напротив, что теории ни к чему не служат и что они не более как фантастические блески, ни на чем не основанные и ничем не доказанные. Как те, так